

«...СЛУШАТЬ ЛЯГУШЕК И – ПИТЬ СОЛНЦЕ!...»

(О последнем дневнике В. Ф. Булгакова)

Есть что-то непреодолимое и безвозвратное в слове «последний». А если речь идёт о последнем слове писателя, то ещё и ностальгическое, и роковое, и невероятно притягательное. Ведь каждая чёрточка в этом «последнем» бесповоротна и прощальна, каждый шаг – символичен, каждая строка дышит предчувствием ухода...

В собрании Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая (ГМИЛИКА) хранится личный дневник уроженца города Кузнецка Томской губернии, последнего секретаря Л. Н. Толстого, блестящего мемуариста Валентина Фёдоровича Булгакова (1886–1966). Двенадцать исписанных листов, а дальше – пустыня: чистая, пожелтевшая бумага без следов извечной писательской борьбы с неумолимым течением времени...

Втиснутый в неприметную тёмно-коричневую 96-листовую тетрадку, коих в советское время было великое множество, неполную, с извлечёнными частями блока, он, возможно, не привлёк бы к себе особого внимания, если бы не надпись на фронтисплесе, заключённая владельцем в маленькую, наскоро очерченную рамку: «Вал. Булгаков. Дневник. С 6 июня 1966 г. по.....»*.

Да это же тот самый дневник, который вёл литератор в Ясной Поляне в последние три месяца своей жизни! Дневник, о котором впервые поведала старшая дочь писателя Татьяна Романюк-Булгакова (1921–2003) через два месяца после смерти отца!

Благодаря её публикации в тульской газете «Коммунар» стало известно о существовании «последних страничек дневника», а также о целом корпусе не опубликованных при жизни автора произведений: исповеди школьного учителя «Цыгане за учебой», цикле «случайных записей» о писателях, художниках, общественных деятелях под названием «Чтобы спасти от забвения», многочисленных рассказах – «В море», «Под Девичьим», «Смерть Лены», «Ночной заем», «Ты помнишь наши встречи?» и др. Это литературное наследие до последнего хранилось в се-

лье писателя, и только в 2000 году Т. В. Романюк передала труды отца вместе с некоторыми письмами и книгами в фонд ГМИЛИКА (Барнаул).

Общеизвестно, что в историю литературы и культуры Валентин Булгаков вошёл как последний секретарь Льва Толстого, преданный последователь его идей и основатель толстовских музеев. Одарённый мемуарист и очеркист, фольклорист и этнограф, коллекционер и музейный работник, лектор и экскурсовод, исследователь 22-тысячной библиотеки «великого старца», педагог и автор порядка 10 книг и 70 статей, Булгаков заявил о себе во многих отраслях гуманитарного знания. Стал он и первооткрывателем темы «Достоевский в Кузнецке». Одноимённая статья, значительно расширившая литературоведческие и литературно-краеведческие горизонты, была опубликована им в иллюстрированном приложении к газете «Сибирская жизнь» в 1904 году, когда начинающий литератор ещё получал классическое образование в Томской мужской гимназии.

177
Именно в юношеские годы у Валентина Фёдоровича сформировалась полезная привычка детально фиксировать события, оставлять впечатления в дневниках. Со временем она стала надёжной опорой для развития его мемуарного таланта, ведь, как известно, многие произведения Булгакова рождались именно из дневниковых заметок. Признавая это, современные исследователи булгаковской мемуарной прозы расценивают её как определённый вид публицистики или даже журналистики. На этой позиции стоит, например, профессор А. А. Донсков, один из ведущих булгаковедов, действительный член Канадского королевского общества, директор Группы славянских исследований при Оттавском университете в Канаде. Он утверждает, что «труды и дни» последнего секретаря Л. Н. Толстого вообще «нельзя изучать без надлежащей ссылки на его дневники».

Дневниковая запись в бытовой и литературной жизни Валентина Булгакова играла поистине глобальную роль. Это становится ещё более очевидным после ознакомления с описью писательского фонда в РГАЛИ. Трудно представить, но здесь хранятся его дневники с 1904 по 1966 год (то есть за 62 года!) и записные книжки с 1933 по 1966 год (за 33 года!). И это не считая путевых записок, личной и деловой переписки с издательствами, редакциями газет, журналов и, конечно, эпистолярного общения с видными представителями литературного процесса первой половины XX столетия, художниками, общественными деятелями, музыкантами. Немногие могут похвастать столь обширным исповедальным архивом! Без преувеличения, дневник –

* В работе сохранены орфография и пунктуация дневниковых записей В. Ф. Булгакова.

излюбленный жанр Булгакова – помог ему создать настоящий клад знаний о своей эпохе. Он стал и важнейшим биографическим источником, и письменным памятником своего времени. Тем пронзительнее звучат вести об утрате каких-либо записей и дневников. Среди самых осязаемых – гибель во время пожара в Праге в 1945 году «зелёной тетради», которую Валентин Фёдорович вёл в Ясной Поляне в 1910-е годы как «дневник для одного себя»...

Литератор погружался в дневниковую стихию регулярно, вплоть до самой смерти. Несмотря на пошатнувшееся здоровье, не всегда гармоничное душевное состояние и обстоятельства, не изменял своей литературной привычке. И хотя в его последней дневниковой исповеди содержится всего девять записей, он ни на йоту не отступал от выработанных годами летописных принципов: объективности и содер­жательности записей, протокольной точности событий, глубокой внутренней культуры, представления фактов во всех подробностях, чёткости собственной позиции, лиричности и задушевности. Старшая дочь писателя Татьяна, первая читательница дневника, отмечает крепкую память отца, его про­ницательность, умение чётко и ясно излагать мысли: «Поражает его вдумчивое отношение к прочитанному, услышанному, восхищают его меткие замечания».

Ей вторит Ал. Лесс в «Слове прощания», опубликованном в «Литературной России»:

«Несмотря на преклонный возраст, Валентин Фёдорович обладал ясной и острой мыслью, удивительной работоспособностью, любовью к жизни и жадной деятельностью. Он охотно откликнулся на зов своих собратьев по перу, принимая живейшее участие в делах тульской писательской организации, в делах писателей Российской Федерации. Восьмидесятилетний старец, он с величайшей готовностью приехал из Ясной Поляны в Центральный Дом литераторов, чтобы поделиться с московскими писателями воспоминаниями о Толстом. И чуть ли не на следующий день Булгаков выступил с докладом в Музее Л. Н. Толстого. А сколько докладов и лекций прочёл он в Ясной Поляне и в Туле!...».

Иными словами, Валентин Фёдорович всегда оставался в центре внимания, его профессиональная жизнь была полнокровной и продуктивной даже в канун 80-летия, а работы имели широкий резонанс. С удовольствием исполняя роль музейного экскурсовода, он радушно встречает отечественных и зарубежных гостей Ясной Поляны, читает выездные лекции, активно откликается на культурно-массовые мероприятия:

«1 июля благополучно выступил с лекцией о Л. Н. Толстом на съезде директоров книготоргов

целого ряда (23) областей. Были признательны, любезны, фотографировались и пр. Но... все же устал (п. ч. говорил стоя)»;

«15-го июля музей посетила экскурсия американских духовборцев и духоворок (подчёркнуто В. Ф. Булгаковым. – Е. Т.)».

Каждая строка булгаковского дневника превращается в маленький рассказ о насыщенных писательских буднях, о необыкновенной самоотдаче и поразительной интенсивности труда. Последняя была настолько высока, что практически не предполагала наличия свободного времени. «И в 79 лет отец не знает и не хочет знать отдыха, он буквально завален работой, – констатирует Татьяна Романюк-Булгакова. – <...> Он не жалел ни сил, ни здоровья, делясь с людьми своими воспоминаниями о великом писателе, о днях, проведённых вместе с ним, в кругу его семьи и близких...»

Дневник доносит до нас текущие профессиональные и бытовые события, темы публичных выступлений, заметки о приятных мелочах и милых подарках, неприятностях и огорчениях. Мы узнаём о научных трудах, творческих планах и их реализации, впечатлениях от музыкальных и литературных встреч – словом, вкушаем сочные, помогающие лучше узнать и понять автора факты, определить размах его деятельности в культуре и литературе. Суэта и круговерть будней словно захлёстывают литератора, но в то же время помогают чувствовать себя востребованным и нужным. Удивительно, но он находит время на многое, даже на то, чтобы продемонстрировать свою политическую позицию: «12-го июня голосовал за двух тульских кандидатов в члены Верховного Совета СССР».

И хотя на закате дней писатель жил один, одиноким никогда не был. Как точно заметила его дочь Татьяна, «он не отошёл от народа, а наоборот, сблизился с ним».

Дневниковые записи Булгакова пестрят обилием встреч, в каждой из которых – доброжелательность и неподдельный интерес к отдельно взятому человеку, отсутствие формализма и равнодушного отношения к окружающим. Он не просто стремится «выдать» исчерпывающую информацию о Толстом или представить себя в качестве «живого экспоната», а хочет подробнее узнать конкретного посетителя. И пусть судьба свела их всего на несколько часов – неважно! Главное, эта встреча состоялась! Он вкладывает душевные силы и в содержание проводимых экскурсий и лекций, и в тех, кому они предназначены. Педантично, с большой точностью, узнаёт имена и фамилии яснополянских гостей, цели их визита, «угощает» автографами, принимает скромные по-

дарки и всё, до мельчайших деталей, заносит в дневник:

«Протекшие дни». 24/VII. Были двое юношей (1 – узбек) и 3 девушки: за автографами. Поговорил с ними. Особенно один черненый еврейчик был привлекателен. И автографами угостил».

«25/VII. Был закарпаторусский писатель Иосиф Жупан из Ужгорода (брат покойного партизана Васи Жупана). Едет в большое путешествие по Волге – до Астрахани. Оставил сборник простеньких, наивных закарпаторусских во всех отношениях рассказиков «Кукла». Человек – достойный, простой».

«28/VII. Были 13 студенток и ст-ов – медичек и медиков из Перми, во главе с проф. А. К. Тычинкиной. Долгая, скорее приятная беседа. Автографы».

«18/VI. Были у меня: председатель Комитета по делам печати при Совете министров СССР (б. министр культуры и позже – посол в Индонезии) любезный, мягкий и «с огоньком» Н. А. Михайлов, драм. актер и декламатор Сурэн Кочарян, худ. Б. В. Щербаков и Н. П. Пузин... С ними же ездил на кладбище: минута глубокого, молчаливого горя в душе – перед скромной и такой одинокой могилой Анечки!..»

Внимание к дневнику приковывает и редкое умение его владельца восторгаться красотой человеческой мысли и душевных порывов, оригинальностью мышления, глубиной чувств совсем незнакомых людей. Питая всю жизнь симпатию к Толстому и его учению, Булгаков невольно «перебрасывает» эти эмоции на тех, кто любит, ценит, читает, изучает великого классика. Эта живая энергия притекает к нему посредством живого общения и через переписку. Так, 15 июня 1966 года писатель цитирует в дневнике письмо воронежского журналиста, тронувшее его до глубины души:

«Русскому человеку, однажды пришедшему к Толстому, трудно от него уйти. Да и не надо этого делать. Я именно такой: пришедший». Эти милые строки принадлежат сотруднику газеты «Молодой коммунар» в Воронеже Виктору Викторовичу Буданову. Есть же еще такие милые люди в нашей молодежи! И таких – не «толстовцев», а именно свежих, самобытных, умно рассуждающих и глубоко чувствующих – молодых людей я уже много встречал в новой России. Даровитость народа (скажу тоже оригинальным словом) продолжается (подчёркнуто В. Ф. Булгаковым. – Е. Т.) и часто чувствуется».

Последний дневник раскрывает истинное, выходящее далеко за рамки обычного средства связи значение писем для Валентина Булгакова. Эпистолярные беседы с известными адресатами и незнакомцами были для него по-настоящему питающим источником: импульсом к творчеству и пробужде-

нию вдохновения, способом писательской самореализации. Он с удовольствием получал от читателей-собеседников, живущих в разных уголках страны, свежие новости, мнения и впечатления, принимал отзывы на свои новые книги, вступал в полемику. Письма давали пищу для новых идей и энергию для будущих свершений. Особенно приятно его волновали такие послания, как от незнакомой ему учительницы-пенсионерки К. Н. Работинской из Йошкар-Олы Марийской АССР, написавшей после «двукратного чтения книги «О Толстом».

Эмоционально отзывчив Булгаков был именно на тон писем. Тон письма огорчал, травмировал, возмущал или, напротив, подбадривал, возвышал, выдыхал новые силы. Достаточно вспомнить об упоминаемых в дневнике критической работе С. А. Розановой («Тон ее рецензии на книгу о «друзьях Толстого» я считаю недопустимым») или о письмах к М. А. Мосолову с совершенно иным эмоциональным градусом («...огромное спасибо Вам за Ваше чудное, великодушное, дружеское письмо, полное внимания и доверия. М. б, я не заслужил его, но благодарность моя искренняя и глубока. Спасибо, спасибо! Душевно Ваш...»; «...позвольте от души поблагодарить Вас за сердечный, дружеский тон Вашего письма, какого я, в самом деле, не заслуживаю в той мере, в какой Вы мне его дарите! Но этот тон ободряет, воодушевляет, и я не могу не сказать Вам: спасибо, спасибо!»).

Чувствительность к тону письма, скорее всего, была обусловлена уникальной способностью Валентина Фёдоровича воспринимать письменное сообщение как живой разговор с его отправителем. Поэтому письмо, преодолев расстояния и время, нисколько не меньше, чем встреча тет-а-тет, влияло на душевное состояние адресата: поддерживало боевой настрой или, напротив, глубоко и серьезно ранило. Письма и ответы на них всегда были связаны с глубоким переживанием, но без него мемуарист не мог обходиться.

Об особом отношении писателя к посланиям общал и Ал. Лесс в «Слове прощания»: «У Валентина Федоровича было множество корреспондентов, которые буквально засыпали его письмами. Как истинный интеллигент, Булгаков ни одного письма не оставлял без ответа, хотя такая переписка отнимала много времени и сил».

Даже докучающие, почти анекдотические, курьёзные послания, такие как от «сектанта-толстовца Л.», не оставались у писателя без ответа. Так, 11 июня 1966 года он поверяет дневнику впечатление от очередного письма-незнакомца:

«Украинский сектант-«толстолец» Л. жалуется на Н. Н. Гусева: дважды писал ему, просил, чтоб «напи-

113

сал о своем здоровье, занятиях и о написанном им сочинениях», указывал, что ему, Л., «полезно было бы хоть изредка переписываться с некоторыми, еще живыми (подчёркнуто В. Ф. Булгаковым. – Е. Т.) друзьями и почитателями покойных Л. Н. Толстого, В. Г. Черткова, И. И. Горбунова-Посадова и Рабиндраната Тагора (?!)». А Гусев молчит и не пишет! Болен он, что ли? «Ответьте хоть Вы, В. Ф., на это письмо!» – и т. д. и т. д. Кстати, он еще и приехать и ко мне, и к Гусеву собирается!..»

Подобные просьбы вызывали, с одной стороны, возмущение и негодование адресата, а с другой – тонкую иронию и такую же тонкую горечь... Но даже тогда писатель был способен преодолеть первые эмоции и чётко, аналитически выверенно очертить портрет своего корреспондента: «Это типичный образец того замаринованного в системе своего мировоззрения тяжкодума – сектанта, который «стремится» (не всегда успешно) к высочайшим полетам морали, а от простой человеческой вежливости совсем отвык или отказался».

Оставаясь тактичным и деликатным, Булгаков приходил для навязчивых корреспондентов такие «правильные» слова и веские аргументы, после которых новые письма, тем более сумасбродные поступки были совершенно не нужны:

«Уважаемый ..., мне кажется, что Вы излишне требовательны к Н. Н. Гусеву, желая, чтобы он писал Вам о себе, о своих занятиях. Вы не принимаете во внимание ни его старости (84 года!), ни его занятости, ни множества получаемых им писем, при которых, конечно, он никак не может вести постоянных, правильных переписок с отдельными, незнакомыми людьми. К тому же сейчас он очень болен. Откровенно говоря, и я, грешный, нахожусь в таком же положении. Думаю также, что если у Вас есть моя книга «О Толстом», то уже не стоит и приезжать ко мне (как и к Н. Н. Гусеву): для меня это будет свидание из последних сил, а между тем ничего лишнего я (как и он) Вам уже не скажу. С приветом и пожеланием всего доброго...».

Письменные диалоги знаменитого мемуариста не утихали вплоть до последних дней. Они превратились в каждодневную работу, требующую колоссальных усилий:

«23/VI. Явились ко мне на квартиру 8 молодых девушек, временных сотрудниц музея-усадыбы Ясная Поляна, и помогли мне в трудном для одного меня деле: разобрали по начальным буквам фамилий авторов до 3 000 (а м. б., и более) накопившихся писем».

И даже после смерти Валентина Булгакова эпистолярный поток не иссякал. «Отца уже два месяца

нет в живых, а мы с сестрой до сих пор получаем письма от друзей и знакомых, а часто и вовсе незнакомых. Все они выражают свое глубокое уважение и любовь к отцу. Значит, он живет в сердцах людей...», – делится сокровенным Татьяна Романюк.

Действительно, уровень коммуникативных потребностей писателя был чрезвычайно велик. Это подтверждают и материалы булгаковского фонда в РГАЛИ. Известно, что в разделе «Переписка» числятся послания к 177 адресатам и письма к нему от 860 корреспондентов! И это не принимая во внимание «Дополнительной личной корреспонденции В. Ф. Булгакова», включающей послания друзей и знакомых, сторонников учения Л. Н. Толстого, членов общины духовоборов в Канаде, читателей и начинающих писателей (1913–1966), «Деловой переписки» с издательствами, редакциями газет, журналов (1913–1966), а также с зарубежными пацифистскими организациями, вегетарианскими обществами (1924–[1950-е]).

Привычка Булгакова дублировать личные письма в дневниках позволяет прочитать шесть его последних эпистолярных обращений к разным адресатам. Три из них были предназначены журналисту, библиофилу, литератору, работнику Приокского книжного издательства М. А. Мосолову и по одному – дочери Татьяне, сектанту-«толстовцу» Л. и литературоведу А. И. Шифману. На этих «проникновениях» эпистолярной прозы в дневниковую среду хотелось бы остановиться подробнее.

Из всех посланий, вкрапленных в дневник, наиболее примечательны, думается, письма к туляку Михаилу Андреевичу Мосолову. Булгакова с ним роднила не только профессиональная деятельность, но и хобби. Не секрет, что Михаил Мосолов, как и его старший товарищ по писательскому цеху, увлекался коллекционированием и сбором автографов. В личном собрании книжных и документальных раритетов Мосолова хранились уникальные издания времён первой русской революции, 1905–1907 годов, книги с дарственными надписями известных писателей и художников, их письма и фотографии. Адресат Булгакова был не понаслышке знаком с издательским делом и журналистикой: с первых номеров редактировал газету «Молодой коммунар» (1925), трудился в тульской газете «Коммунар» и Приокском книжном издательстве, где, напомним, вышла в свет булгаковская книга «О Толстом» и готовилась к публикации следующая – «Друзья Толстого». Разговор об этих двух произведениях и не только о них и развивается на страницах писем к Мосолову.

В первом письме к нему (дневниковая запись от 6 июня 1966 года) Валентин Булгаков выказывает

чрезвычайную озабоченность судьбой своей будущей книги «Друзья Толстого», получившей «гадкую рецензию»:

«...сочинение С. А. Розановой огорчило меня не столько за себя, сколько за нее: столько в нем непонимания и необоснованного (а подчас и искусственно взбитого, наигранного) раздражения. Я обязательно отвечу (не ей, а редакции) на ее рецензию, но только попозже...»

Нелицеприятный отзыв на мемуарное повествование глубоко задел автора, и он не заставил себя долго ждать: уже 4 июля сообщает толстоведу А. И. Шифману, а 23 июля – все тому же М. А. Мосолову, что за письменным столом ведёт полемику с рецензенткой.

Самоотверженная борьба Булгакова за «Друзей Толстого» объяснима. Он предчувствовал свой скорый уход и желал завершить дело, к которому приступил ещё в военные годы. Книга рождалась в нечеловеческих условиях фашистского концлагеря «Вюльцбург» близ города Вайссенбург (Германия), поэтому была ему невероятно дорога. О процессе её создания поведала Татьяна Романюк на страницах газеты «Неделя» спустя 20 лет после смерти своего отца. В статье «Один год и вся жизнь» она описала ужасные, раздирающие душу подробности: «Писать приходилось карандашом, на обратной стороне небольших рекламных листов, которые для отца нелегально проносили в лагерь молодые заключенные, работавшие в городе. Это были матросы шести советских кораблей торгового флота, захваченных фашистами в море или немецких гаванях в первый день войны. Вся рукопись заняла 8 таких книжечек, общим объемом в 1 385 листов. На титульном листке – надпись: «NB. В случае моей смерти послать моей жене Анне Булгаковой». Кстати, статью сопровождало фотоизображение – обложка рукописной книги «Друзья Толстого» (тетрадь 2), где помимо обязательных сведений о названии, авторе и др. стояла булгаковская помета: «Писана в немецком лагере».

Существенно дополнил этот вызывающий дрожь рассказ Александр Иосифович Шифман, советский литературовед и критик, доктор филологических наук, видный исследователь судьбы и творчества Л. Н. Толстого в контексте межкультурных связей, в особенности – со странами Востока. Ему «пришлось видеть и читать волнующие, драгоценные записи, которые Булгаков в лагере делал на обороте рекламных листов какой-то немецкой фабрики». Бесценные детали бытования рукописи «Друзья Толстого» Шифман получил, скорее всего, от самого писателя, с которым был дружен и активно

общался. «Листки раздобывали ему друзья по камере, которых гнали туда на работу, – сообщал исследователь в статье «Воспоминания секретаря Льва Толстого». – Больной, изможденный Булгаков исписывал листки мелким почерком и один за другим нанизывал на ржавую железную проволоку. Получилась своего рода бумажная гирлянда, чем-то напоминающая цветочные гирлянды, которыми венчают почетных гостей в странах Востока. С помощью друзей по камере ее удалось спрятать и чудом сохранить. А затем, в Ясной Поляне, снимая с проволоки листок за листком, переписывая и пополняя их, он составлял свои воспоминания о Толстом, об окружении писателя – яркие литературные портреты, часть которых включена в настоящую книгу»...

Шифман, подробно остановившийся на каждом разделе посмертного булгаковского сборника, с сожалением констатировал, что очерки «Друзья Толстого» в полном авторском варианте так и не увидели свет даже после смерти мемуариста. Не напечатан он и сегодня. Лишь в 1978 году книга частично вошла в объединенное юбилейное издание «О Толстом». Радует, что его предварило вступительное слово Александра Шифмана, которого Валентин Фёдорович пророчил в качестве автора предисловия к «Друзьям Толстого». Об этом он заявлял на страницах последнего дневника: «Предварительно напишу и пошлю в редакцию (и Вам копию) «Отклик на рецензию С. А. Розановой». В рецензии этой много нелепого – и с моей, и с какой угодно точки зрения. Если можно, не начинайте Вашей вступительной статьи, пока не ознакомитесь с моим «откликом» и с поправками и сокращениями, которые я сделаю в тексте книги»...

Но вернёмся к «дневниковым» письмам, адресованным Мосолову. Не остаётся сомнений, что Булгаков возлагал на него большие надежды. Так, 23 июля 1966 года, во втором письме к нему, он обращается с творческим предложением – развить мысль «в память дочерей Толстого, шедших за отцом на тяжелую работу и на помощь народу», то есть написать биографическую книгу «Дочери Толстого». Свой выбор относительно Мосолова-автора он обосновывает так: «На «друзей великого писателя, близко знавших жизнь в яснополянском доме», надеяться нечего, по той простой причине, что почти все они ушли из жизни, а остающиеся единицы – немощны и перегружены другими задачами, от которых нельзя уйти – «в преддверии гроба». Надо найти чуткое сердце среди литераторов. Мой кандидат на работу «Дочери Толстого» – Михаил Андреевич Мосолов. Беритесь-ка за эту тему! Вы сделаете ее хорошо. И

175

Приокское изд-во создаст еще одну интересную работу о людях эпохи Толстого».

По мнению Булгакова, этот шаг развил бы потенциальные возможности будущего автора, благоприятно сказался на репутации издательства и упрочил положительный имидж «великого старца»: «Дочери Толстого» и вытекают из авторитета Толстого, и подкрепят еще более этот авторитет». Ему очень важно не просто найти способного литератора, достойного кандидата на должность автора книги, а человека, которому он мог бы всецело доверить «толстовскую» эстафету. Булгаков прямо-таки настаивает на обращении Мосолова к разработке «дочерней» темы. Переписывая в дневник очередное письмо 2 августа 1966 года, он заявляет: «Сначала – о литературной теме, какую я Вам рекомендовал: «Дочери Толстого». Конечно, Вы справитесь с этой темой (как справитесь со всякой темой, за какую со всей энергией возьметесь!)» (подчеркнуто В. Ф. Булгаковым. – Е. Т.)

Для большей убедительности и поддержки творческого духа своего младшего современника Валентин Фёдорович не ленится «по полочкам» разложить черты его характера, с помощью которых тот смог бы достичь успеха на литературно-исследовательской ниве: «Главное же то, что Вы владеете как раз теми данными, которыми владеет далеко не всякий и какие нужны как раз для выполнения этой темы: 1) душевностью, 2) пониманием душевного, 3) пониманием героического, 4) пониманием мира, выросшего на лучших стремлениях Л. Н. Толстого, 5) демократическими убеждениями, 6) вдохновенностью идеалом социалистическим и коммунистическим, 7) нелицеприятием и должной объективностью по отношению к тем, кем Вы заняты, кого Вы рисуете, 8) человеческой зрелостью и, наконец, 9) художественной одаренностью...».

Убедительную эпистолярную речь щедрый на комплименты и обещания, энциклопедически подкованный мемуарист завершает оптимистично-побудительно: «Итак, смело решайтесь и готовьтесь к этой теме. Разумеется, я – целиком в Вашем распоряжении, в качестве возможного консультанта...». И тут же, и в шутку, и всерьёз, заявляет: «Но – одно «ограничение»! Пожалуйста, не выходите на пенсию [для работы над очерком о «Дочерях Толстого»], пока не издадите мою книгу «Друзья Толстого». Без Вас она потонет. А жалко: на нее потрачен большой труд».

К огромному сожалению, упования Валентина Фёдоровича были напрасны: книга «Дочери Толстого» или творение с похожим названием так и не вы-

шла из-под пера Михаила Мосолова. Желание найти преемника, к сожалению, не воплотилось...

Тема «гадкой рецензии» вновь находит отражение и в последнем послании к М. А. Мосолову (дневниковая запись от 23 июля 1966 года). Булгаков в который раз вспоминает о С. А. Розановой, успевшей за месяц несколько изменить «тон» относительно его мемуаров, спешит поделиться свежей новостью со своим единомышленником: «Интересно, что какие-то нотки покаяния зазвучали в строгом сердце С. А. Розановой, опрокинувшей на меня целый воз жестоких, но, по большей части, дурно обоснованных и подчас даже необоснованно-оскорбительных сиводеевских* обвинений и обличений. Хоть и жаль времени, но придется ей (не прямо, а через издательство) ответить. Тон ее рецензии на книгу о «Друзьях Толстого» я считаю недопустимым».

Рецензия Розановой мало того что вынудила Валентина Фёдоровича заняться написанием отклика, оторвав от другой важной работы, так ещё и отодвинула на неопределённый срок выход книги. Несмотря на состояние здоровья и предчувствие близкой кончины, Булгаков вновь берётся за очередную правку рукописи: «Сейчас я занят откликом на рецензию, а затем займусь последним чтением моей книги и, вероятно, местами ее исправлю и сокращу. И тогда все вместе (и отклик на рецензию, и работу) представлю в издательство. Я не тороплюсь, п. ч. Вы назначили мне долгий срок для возвращения рукописи: полгода (подчёркнуто В. Ф. Булгаковым. – Е. Т.). Я, было, мечтал, что в 1967 году книга выйдет, но, д. б., придется запастись терпением и постараться продержаться на земной поверхности еще два года».

Эти же мучительные мысли повторяются и в письме к А. И. Шифману 4 июля 1966 года: «О «Друзьях Толстого» был только один короткий разговор в издательстве. М. А. Мосолов просил представить исправленную рукопись «так – через полгода». Выходит: к 1-му января 1967 года. А о печати, конечно, можно будет говорить только в 1968 году. Задача для меня: прожить еще 2 лишних года».

Литературные неудачи не заканчиваются задержкой с изданием «Друзей Толстого». Они преследуют Булгакова и в московских «толстяках». Из дневника мы узнаем, что автору возвращена рукопись пьесы «Путь в Астапово» («не пойдет в журнале»). Но он не унывает. Напротив, с большим усердием погружает-

* По имени злостного критика почитателей Толстого из среды преподавателей Тульского педагогического института и Приокского изд-ва. – В. Б.

ся в научно-исследовательскую и литературоведческую деятельность: для юбилейного «Яснополянского сборника» к установленному сроку успевает подготовить не одну, а целых две статьи («Реорганизация и открытие в отдельном здании музея Л. Н. Толстого» и «Реставрация и открытие дома-музея Л. Н. Толстого в Москве»). В «Вопросах литературы» публикует работу о Ромене Роллане. Для налаживания сотрудничества с работающим за границей агентством печати «Новости» ждёт особых известий. Искренне радуется, что миланский издатель Cino del Dusa недавно опубликовал на итальянском языке его книгу «Лев Толстой в последний год его жизни», ставшую необыкновенно популярной...

Несколько записей из булгаковского дневника посвящены бытовой переписке. Она представлена письмом к старшей дочери Татьяне, а также заметками о приезде младшей Ольги с семьёй к нему в гости. Следует сказать, что у писателя сложились очень тёплые отношения с детьми, он был в курсе их домашних дел, интересов, успехов и достижений, прекрасно ладил с членами их семей. Ему было радостно осознавать, что у детей всё складывается: и в личной жизни, и в карьере. Это тешило его самолюбие, давало жизненные силы, вызывало отцовскую гордость и желание не отставать от них. В письме к дочери Татьяне в Новомосковск 9 июня 1966 года он оставляет «характеристику настроения (характеристику немного эгоистическую)» по поводу успехов своих родственников: «Милая Танечка, приятно было читать твое письмо = какие вы все молодцы! Трудитесь, успеваете, и видно, что счастливы. Рад, очень рад за всех вас... Я от вас не отстаю, занят сейчас срочной работой <...> Здоров. Питаюсь нормально. Гуляю. Всех обнимаю и целую. Ваш папа, дедушка».

Несчастные случаи, раздоры и «семейные катастрофы», такие как ожог зятя Коли, невозможность увидеть внука Никиту, развод дальних родственников с последующим вывозом мебели, огорчают Валентина Фёдоровича, заставляют переживать несколько не меньше, чем тон письма А. С. Розановой или отсрочка с публикацией его произведений. Беспокоясь о самочувствии родных, он старается ни в коем случае не обременять их своей персоной, не ранить плохими новостями о собственном здоровье. И на все предложения переехать к одной из дочерей отвечает неизменным шуточным отказом: «У тебя нет яснополянского вида из окна»...

Ал. Лесс, автор некролога в «Литературной России», присутствовавший на похоронах Валентина Фёдоровича и даже фотографировавший это пе-

чальное событие, писал, что дни напролёт мемуарист сидел в тиши своего кабинета, окружённый любимыми книгами, картинами и фотографиями, и писал, писал. Конечно, такой образ жизни негативно сказался на самочувствии. Темы ухудшения здоровья и наступающей болезни, утраты былой работоспособности, старости и близкой смерти неоднократно просачиваются сквозь булгаковские строки. Знакомство с дневником позволяет утверждать, что Валентин Фёдорович ясно осознал: дни его сочтены. Он предчувствовал скорую кончину и хладнокровно, без позы и истерики, говорил об этом. Чуть больше, чем в письме к «сектанту-толстовцу» Л., приоткрывается этот аспект в послании к М. А. Мосолову: «Чувствую я себя физически – сносно, так же и душевно. Душевно даже лучше, чем сносно: вполне удовлетворительно и даже хорошо <...> Работоспособность у меня – приемлемая для 80-летнего, но, сама по себе, конечно, недостаточная...»; «И перед смертью (конечно, недалеко) хотел бы, чтобы меня оценивали более справедливо и более сурово... Впрочем, не говорю много об этом, п. ч. самая тема мне не нравится... Ваш...».

Трезво оценивая свои силы и возможности, Булгаков приводит в особенный порядок бумаги и личные вещи, старается завершить начатые дела. Об этом через два месяца после смерти родителя напишет Татьяна Романюк-Булгакова: «С каким волнением отец готовился к своему восьмидесятилетию – 25-му ноября. В шкафу висел тщательно отутюженный новый костюм, в его книжных шкафах и на письменном столе были уложены и пронумерованы папки с рукописями его произведений. Он знал, что жизнь прожита недаром, что он потрудился по-настоящему».

Конечно, всё это расценивают как волнительное приготовление к солидному юбилею. Но в то же время подобные действия можно трактовать и как предчувствие близкой кончины. Находясь в здравом уме и твёрдой памяти, писатель успевает дать последние наказы. В дневнике встречаем: «Олю с мужем, гостившими 19–21 июля, познакомил с завещанием и пожеланиями, связанными с возможным для старика неожиданным отъездом туда, откуда не возвращаются».

Согласно последней воле писателя, его следовало похоронить рядом с женой Анной Владимировной, урождённой Цубербиллер, в Кочаковском некрополе (Тульская область, Щёкинский район, п/о Первомайский, деревня Кочаки), недалеко от фамильной усыпальницы графов Толстых. А его богатейший архив передать на постоянное хранение

в Москву, в Центральный государственный архив литературы и искусства – ЦГАЛИ (ныне – РГАЛИ). Дочери Булгакова – Т. В. Романюк и О. В. Пономарева – в конце сентября 1966 года в точности исполнили его желание. Кроме того, булгаковские документы и материалы частично были направлены в отдел рукописей Государственного музея Л. Н. Толстого, в Центральный архив Октябрьской революции. А рукописи и машинопись художественных произведений с авторской правкой, оставшиеся в семье покойного вплоть до начала XXI века, в том числе последний дневник, были подарены Татьяной Романюк-Булгаковой в 2000 году специалистам ГМИЛИКА (Барнаул).

Мысль о надвигающейся смерти соседствует в дневнике с желанием «поймать» ускользающее время, разглядеть незамеченное. Сделать это никогда не поздно – убеждает нас собственным примером Валентин Фёдорович. Маленьких открытий много, и важная информация приходит порой неожиданно, следует лишь оставаться открытым для неё: «А. Г. Стороженко из Ленинграда прислал старую, неизвестную мне статью П. А. Сергеенко о Толстом и Лескове в журнале «Пробуждение» за 1915 г., с упоминанием о том, как я в 1910 г. открыл, что присланная им Льву Николаевичу тетрадка с мнимыми лесковскими мыслями оказалась, на поверку, только выписками Лескова из толстовских статей (подчёркнуто В. Ф. Булгаковым. – Е. Т.). Ловкий Сергеенко ухитрился при этом опубликовать и самые мысли, более 200 числом! ...Старик польстил мне, назвав меня в статье «любимым» секретарем Толстого».

Горячее желание «наверстать упущенное» проявляется и в структуре дневника. При беглом его прочтении может показаться, что последние строки владелец написал 30 июля 1966 года. Но это не так. Иногда ему попросту не хватало времени, и к событиям прошлых дней он возвращался позднее, организуя их в краткие блоки. Эта лаконичная хроника предыдущего периода, нарушая хронологию, возникает в летописи Валентина Булгакова дважды, что усложняет структуру самой рукописи. Первый из таких блоков под названием «За прошлые дни» возникает 29 июня. В нём «пунктиром» отмечены важнейшие моменты 17, 18, 20, 22 и 23 июня. Второй раз писатель «догоняет время» 2 августа: создается ещё один блок записей – «Протекшие дни», где освещены 24, 25, 28, 29, 30 июля. Конечно, поздние по времени события прописаны более тщательно, ранние – «скороговоркой».

Присутствие информационных блоков за прошедшие периоды несколько запутывает исследователя, жаждущего узнать точную дату последней

записи. Дело в том, что строки, касающиеся событий 30 июля, на самом деле появились позже. Они являются частью информационного блока «Протекшие дни». Таким образом, последняя запись в дневнике была произведена В. Ф. Булгаковым не в конце июля, а 2 августа 1966 года, то есть за 50 дней до смерти. Она представляет собой перефразирование знаменитого высказывания французского романиста XIX века: «Бальзак – о славе: товар невыгодный – стоит дорого, а сохраняется плохо» (подчёркнуто В. Ф. Булгаковым. – Е. Т.).

Появление крылатого выражения, скорее всего, обусловлено событиями 30 июля 1966 года, о которых узнаём из предыдущей записи: «Был старик Магомед Гамидович Эфендиев с племянником Мусой (автором рекламной статьи о нём в «Огоньке»), из Дагестана. Это – бывший объездчик, называвшийся мужиками «черкесом», их гроза, теперь, с помощью изобретательного племянника, прославленный... «воспитанником Л. Н. Толстого». Получает 50 руб. в месяц пенсии. Владеет двухэтажным домом в Дербентском районе. Недоволен. Желает получать персональную пенсию. Просил «написать» какому-то начальству. Отказал».

Булгаков категоричен в ответе на подобные просьбы. Видно, что они угнетают его, равно как и навязчивость, наглость, напористость посетителей Ясной Поляны, их неумение и нежелание понять другую сторону. Но он держит себя в руках, может сказать веское «нет».

Писателю претит и излишний пафос бесед и встреч, напыщенность, искусственность в отношениях. Подчас он сожалеет о зря потраченном времени: «Прием» и ужин у именинницы Галины Езерской, детской писательницы, новоиспеченного члена СП СССР. Кроме меня, были: Н. В. Виноградов (директор Тульского и Приокского книжных издательств. – Е. Т.), Н. П. Пузин (библиограф, главный хранитель Ясной Поляны с 1945 по 2008 год. – Е. Т.), неизвестный мне профессор-физик и др. Скучно. «Буржуазно» – по «идеалу», но не на деле».

При этом нельзя сказать, что возраст превращает Булгакова в излишне требовательного и недовольного жизнью брюзгу. Напротив, он привык довольствоваться малым, очень непритязателен и прост в желаниях, довольно мечтателен и благодарен судьбе за то, «как прожита жизнь»: «Гуляю, под солнышком, по узенькой асфальтированной аллейке, ведущей от нашего дома к пруду и на большую дорогу, дышу огородными запахами и воображаю, что я – в Крыму или на Кавказе... И тем сыт».

На склоне лет ему легко поднять настроение. Истинное удовольствие доставляют простые, неза-

178

мысловатые, обыденные вещи: долгожданная встреча и общение с родственниками, «чудные чайные розы из Гурзуфа, привезенные в резиновом мешке с водой», доброе письмо незнакомого человека, милые недорогие подарочки, такие как календарь знаменательных и памятных дат со статьёй о его юбилее, прекрасный букет за незапланированное выступление в кинотеатре и др.

Строки Булгакова как будто источают внимание к ближнему, оптимизм и всепроникающую благодарность за общение, за маленькие дары и заботу о нём: «Искренне благодарю Вас за любезную присылку «Календаря знаменательных и памятных дат по Тульской области»! Благодарность эта относится и к редактору милому С. И. Позойскому (пережившему инфаркт – В. Ф. Булгаков), к-го благодарю за привет, к-го часто вспоминал (подчёркнуто В. Ф. Булгаковым. – Е. Т.) за время нашей разлуки и к-му тоже шлю сердечный привет. В биографии В. Ф. Б. чувствую добрую, дружескую руку Н. А. Милонова, к-го тоже душевно благодарю за его доброе, незаслуженное внимание!»; «Сердечно приветствую Вас, еще раз желаю полного и всестороннего (подчёркнуто В. Ф. Булгаковым. – Е. Т.) отдыха, победы над всей коллекцией Ваших болезней и всего, всего хорошего! Ваш друг...»; «Но вот о чем хочется мне Вам сказать, не откладывая: огромное спасибо Вам за Ваше чудное, великодушное, дружеское письмо, полное внимания и доверия! М. б., я не заслужил его, но благодарность моя искренняя и глубока. Спасибо, спасибо! Душевно Ваш.....».

В конце жизни писателя радует общение с музыкой, литературой, походы в кино и прогулки на природе. Несколько страниц рукописи посвящены музыкальным предпочтениям последнего секретаря. В записи «Я. П., 29 июня 1966 г.» он перечисляет имена и фамилии исполнителей, получивших первые премии во всех номинациях «Заключительного концерта III Международного музыкального конкурса им. П. И. Чайковского (радио)», наименования прозвучавших в эфире произведений, а в конце резюмирует: «Все – большие артисты. Чудный концерт!».

Классическая музыка никогда не оставляла писателя равнодушным. И это закономерно, ведь с ней Булгаков подружился с ранних лет: в семье часто устраивали вечера с пением и игрой на музыкальных инструментах, включали гирофон и – что самое важное – воспитывали у детей взыскательный музыкальный вкус. Позднее, в Томске, обучаясь в мужской классической гимназии, Валентин познакомится с будущим знаменитым композитором, дирижёром и музыкальным педагогом Анатолием Александровым (1888–1982), ставшим одним

из самых близких друзей на всю жизнь. Бесспорно, эта дружба строилась на родстве интересов и взглядов, была полезной и для дальнейшего музыкального развития В. Ф. Булгакова. Во время учёбы приятели часто посещали вечера классической музыки и театральные постановки. Анатолий представил приятеля-гимназиста своей матери – А. Я. Александровой-Левенсон, подарок которой – одно из 14 писем П. И. Чайковского к ней – послужил импульсом к созданию первых литературно-публицистических трудов Булгакова.

Но особенно благотворное влияние на музыкальный вкус Валентина Фёдоровича оказала жизнь в столице. В Москве А. Я. Александрова-Левенсон, сопровождавшая своего сына и В. Ф. Булгакова в университет, постаралась возобновить прежние знакомства. Благодаря её контактам литератор получил контрамарку на посещения генеральных репетиций симфонических концертов Московской консерватории, на музыкальные утра «Кружка любителей русской музыки» («Керзинские концерты»).

Являясь студентом Московского университета, он активно интересовался театральными, литературными, музыкальными и художественными событиями столицы. Его интересовали концерты в консерватории, представления Большого, Малого, Московского художественного театров, театра Корша, оперы Зимина и др. В Большом театре на него производит впечатление балетное искусство В. А. Каралли, Е. В. Гельцер, М. М. Мордкина, сопрано А. В. Неждановой, а также пение Л. В. Собинова, М. И. Фигнер, В. Р. Петрова. Ему удаётся послушать игру бельгийского скрипача Эжена Исайе; пение М. А. Олениной д'Альгейм; повидать на различных мероприятиях композитора Ц. А. Кюи, поэта А. Белого.

Некоторое время, как известно, Булгаков даже берёт уроки вокала: сначала у профессора Московской консерватории С. В. Гилева, затем – у Ю. Н. Вишневецкой. Он участвует в любительских концертах в качестве солиста и участника руководимого Вишневецкой хора. Продолжая своё увлечение коллекционированием автографов, Булгаков посещает знаменитых московских исполнителей, в частности – А. И. Южина, О. Л. Книппер-Чехову. Тем, кого не может застать лично, направляет письма. Таким способом в его коллекции появляются автографы Ф. И. Шаляпина и многих других музыкальных деятелей и исполнителей.

К слову, увлечение музыкой по-особенному «выстрелило» в его биографии и в 1947 году: когда Булгаков дал согласие сниматься в цветном музыкаль-

ном фильме Ивана Пырьева «Сказание о земле Сибирской», ему досталась эпизодическая роль... преподавателя консерватории!

Даже в последние месяцы жизни музыка не покидала писателя, приносила огромное наслаждение, отдохновение. Строки, раскрывающие события 17 июня, возвращают нас к радиоконцерту и вновь подтверждают это: «17/VI. Услыхал по радио неск. пьес участников музык. конкурса имени Чайковского. Поразил чудный финский виолончелист Арто... Мне кажется, что он стоял выше получившей 1-ю премию Георгиен».

Последние дни литератора скрашивали и современная литература, и кино. Он не переставал интересоваться художественными новинками, о чём делал краткие пометы в дневнике. Так, в его поле зрения попали журнальные публикации – прозаические произведения двух авторов: «Талантлива повесть Николая Дубова «Беглец», в 4-й кн. «Нового мира» за 1966 г. Там же – интересные записки Полины Виноградской «Октябрь в Москве» (о событиях 1917–1918 гг.)».

На 20-й странице дневника, рядом с записью от 2 августа читателей ожидает внезапная встреча: в тетрадный блок с любовью вклеен хорошо сохранившийся билетик в кинотеатр «Салют» (г. Тула). Он был приобретён Валентином Фёдоровичем на вечерний сеанс фильма Сергея Бондарчука «*150* Война и мир». Лицевая и оборотная стороны билета отлично сохранили все «реквизиты»: поход в кино состоялся 1 августа 1966 года, в 17:20. Писатель занимал в кинозале 21-е место в 12-м ряду. Этот скромный экспонат, пожалуй, красноречивее других повествует о бесконечной верности и преданности Булгакова Толстому, его пристальном внимании не только к новейшим публикациям о жизни и творчестве великого романиста, но и экранизациям его произведений! Запись от 2 августа 1966 года, ставшая, к сожалению, в дневнике последней, позволяет узнать и общее впечатление Булгакова о фильме, и подробности того примечательного дня: «P. S. Вчера вечером был (подчёркнуто В. Ф. Булгаковым. – Е. Т.) в Туле и смотрел знаменитый фильм Бондарчука в кино «Салют». Должен сказать: хорошо! Нет, больше: великолепно! Советую обязательно посмотреть. Плохо только, что меня вытащили из 12-го ряда и заставили говорить (после неплохо скомпонованного доклада Архангельского). «Результат»: прекрасный букет на столе в «гостиной».

Несмотря на небольшой объём дневниковых записей, скрытых под ледериновой обложкой, создаётся целостное впечатление об их авторе. Пожел-

тевшие тетрадные страницы хранят чёткий рисунок булгаковского характера. Образ автора складывается из многих привлекательных черт: аккуратности и скрупулёзности, высокой культуры труда, умения достоверно фиксировать важные детали, отзывчивости и сопереживания, принципиальности и требовательности к себе.

Но доминирующей чертой писателя всё-таки остаётся необыкновенная скромность: «Дорогой М. А., в заключение прошу Вас: снизьте, пожалуйста, ну – на 95 % ту оценку, какую Вы даете [в В. письме] упомянутому В. Ф. Б.! Не заслуживает он подобной оценки. Это ясно, как шоколад. И перед смертью (конечно, недалеко) хотел бы, чтобы меня оценивали более справедливо и более сурово...».

За несколько недель до смерти он собственным примером доказывает, что никогда не поздно что-то изменить, начать заново. Чтобы чувствовать себя лучше, внедряет новый режим – организывает ежедневные прогулки по живописным яснополянским местам. Нововведения даются нелегко, но, пересилив себя, литератор умудряется даже получить от этого определённое удовлетворение: «Сегодняшний и вчерашний опыт «нового режима» оставил чудное впечатление!..»

Сильный духом и стойкий к трудностям, В. Ф. Булгаков до последнего вздоха сохранял искры душевного тепла, детскости и непосредственности, которые дают ощущение полноты бытия. В каждом прожитом дне, облагороженном собственной фантазией, он ловил лучики радости и счастья. И, возможно, у роковой черты вплотную приблизился к философии земного существования: «...Я себе тоже устроил, дома, курорт: кроме вечерней прогулки, буду (со вчерашнего дня) выходить по утрам, ещё до занятий, по нашей узенькой, асфальтированной аллейке, к нашему пруду, вдыхать аромат огородных насаждений сотрудников музея, любоваться прудом и окрестностями, слушать лягушек и – пить солнце!..»

Автор благодарит руководителей Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая (Барнаул) – директора Игоря Алексеевича Короткова и заместителя директора по научной работе Елену Владимировну Огневу – за возможность ознакомления и частичной публикации материалов из хранящегося в музейном собрании личного фонда В. Ф. Булгакова, а также специалистов Центральной городской библиотеки им. Н. В. Гоголя МБУ «МИБС» (Новокузнецк) Татьяну Николаевну Кирееву и Ларису Александровну Суворец за помощь в поиске публицистических и научно-исследовательских источников, посвященных В. Ф. Булгакову.

Новокузнецк, 2016–2017